

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.02

РОЛЬ ОБРАЗОВ ВОДНОЙ СТИХИИ В ГЛАВАХ О ВЁШЕНСКОМ ВОССТАНИИ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Васильев Сергей Анатольевич¹,
Макарова Елена Сергеевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ vasilvsa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6985-5002>

² elenamakarova605@gmail.com

Аннотация. Вёшенское восстание в событийном и содержательном аспектах представляет собой центр романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон». Посвященные ему главы входят в шестую и начало седьмой частей произведения, относительно автономны в тексте и имеют собственную внутреннюю форму, важные грани которой создаются за счет образов водной стихии и близких ей многочисленных ассоциативных планов. Вслед за А. А. Потебней, Ю. И. Минераловым, другими учеными, продолжающими отечественную академическую традицию, авторы статьи понимают внутреннюю форму как образы образов и идеи идей, представления, объединяющие ранее никак не соотносимые в смысловом плане явления. Заглавие, эпиграфы, пейзажи, портреты, художественные детали системно включают в себя сопоставления с водой и ее восприятием миром казачества. Недовольство войной распространяется в среде казачества вначале мелкими ручейками, а позже — сплошным водным потоком, сносящим все на своем пути. Этот образ рядом ассоциативных нитей связывается с последующими картинами назревания и все большего усиления Верхне-Донского восстания. Завязка этой сюжетной линии соотносится с образом коловерти (водоворота) и встречаемых, сшибающихся речных течений, в то время как на уровне персонажей реализуется через слова Мирона Григорьевича Коршунова, призывающего казаков к вооруженному выступлению. Образы ломающегося льда, половодья, водного потока связывают мир природы и психологическую и социальную жизнь человека, в значительной степени формируют художественное содержание глав о Вёшенском восстании.

Ключевые слова: роман «Тихий Дон», Вёшенское восстание, внутренняя форма, водная стихия, ассоциативные планы.

Для цитирования: Васильев С. А., Макарова Е. С. (2023). Роль образов водной стихии в главах о Вёшенском восстании в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 20–28. <https://orcid.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.02>

Original article

UDC 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.02

**THE ROLE OF IMAGES OF THE WATER ELEMENT
IN THE CHAPTERS ABOUT THE VESHENSKOYE UPRISING
IN M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL «AND QUIET FLOWS THE DON»****Sergey A. Vasilyev¹,
Elena S. Makarova²**^{1,2} Moscow City University
Moscow, Russia¹ vasilyeva@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6985-5002>² elenamakarova605@gmail.com

Abstract. The Vyoshenskoye Uprising in its eventful and substantive aspects is the center of the epic novel ««And Quiet Flows the Don»» by M. A. Sholokhov. The chapters dedicated to it are included in the 6th and the beginning of the 7th parts of the literary work. They are relatively autonomous and have their own rich inner form, important facets of which are created due to water images and numerous associative perspectives. Following A. A. Potebney, Yu. I. Mineralov, and other scientists who continue the Russian academic tradition, the authors of the article understands the inner form as images of images and ideas of ideas, representations that connect previously unrelated phenomena in semantic terms. The title, epigraphs, landscapes, portraits, artistic details systematically include comparisons containing water elements and their perception by the Cossacks. The discontent with the war spreads among the Cossacks at first in «small streams», and later — in a continuous stream of water, demolishing everything in its path. This image is connected by a number of associative threads with subsequent pictures of the Upper Don Uprising brewing and gaining momentum. The plot of this storyline correlates with the image of a swirl (whirlpool) and the oncoming, colliding river currents, while at the level of characters it is realized through the words of Miron Grigoryevich Korshunov, calling the Cossacks to arms. The images of ice breaking, high water, continuous water flow and others give rise to ideas common to the natural world and the psychological and social life of a person, largely form the artistic content of the chapters on the Vyoshenskoye Uprising.

Keywords: novel «And Quiet Flows the Don» by M. A. Sholokhov, Vyoshenskoye Uprising, inner form, water element, associative perspectives.

For citation: Vasilyev S. A., Makarova, E. S. (2023). The role of images of the water element in the chapters about the Veshenskoye Uprising in M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 20–28. <https://orcid.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.02>

Введение

В любой работе, имеющей научный характер, первостепенным является вопрос методологии, в нашем случае — концепция стиля в общехудожественном значении термина и внутренней формы, одного из базовых понятий филологической науки. А. А. Потebня, один из ведущих теоретиков русской академической филологической науки, чье наследие имеет высокую степень актуальности и для современного литературоведения, видел заслугу писателя «в силе внутренней формы» (Потebня, 1990, с. 28). Понятие внутренней формы в применении к произведению ученый проиллюстрировал путем анализа сравнения образа воды

и человеческого чувства в народной песне: «Чистая вода течет в чистой речке, а верная любовь в верном сердце» (Потебня, 1990, с. 25). Комментируя смысловую связь, устанавливающуюся между внешне никак не связанными явлениями (водой и любовью), ученый отметил следующее: «Связь между водою и любовью установится только тогда, когда... в сознании будет находиться связь света, как одного из эпитетов воды, с любовью. Это третье звено <...> есть именно внутренняя форма, иначе — символическое значение <...> образа воды» (Потебня, 1990, с. 25).

Высказанные ученым мысли теоретического и практического характера, проиллюстрированные на примере анализа фольклорного образа воды, можно с полным основанием применить при осмыслении исключительно гибкой внутренней формы шолоховского образа Вёшенского восстания, а значит, важнейших содержательных аспектов произведения и роли водной стихии в ее создании.

О воде в изображении Шолохова ученые писали многократно (Акиньшина, 2007; Муравьева, 2007; Диброва, 2013; «Алмазные россыпи...», 2015; Ширина, 2017), и это закономерно, так как уже само название романа и эпитафия из народных песен к нему прямо указывают на центральную роль образа реки в произведении и, в частности, в раскрытии исторической составляющей его тематики. Так, Н. Н. Есипович выделяет стихию воды в «Тихом Доне» в разряд основополагающих. Продолжая традицию шолоховедения, литературовед пишет о многозначности этого образа, когда водная «стихия сродни роковой переменчивости жизни донцов в годы “великого передела”» (Есипович, 1996, с. 45). Среди часто отмечаемых функций изображения водной стихии — близкие к стилистике народнопоэтических произведений параллелизмы между состоянием природы и состоянием человека, психологизм (Костин, 2020, с. 389–417).

Задача данной статьи — выявить роли водной стихии в главах о Вёшенском восстании в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Подчеркнем, что речь в работе пойдет не только о персонажах, пейзажах и мифопоэтике писателя, но и о Вёшенском восстании в изображении Шолохова как целом, об определенной грани его воплощения.

Как было сказано ранее, А. А. Потебня писал о внутренней форме, образующей и структурирующей фольклорную песню. Важно подчеркнуть, что о внутренней форме можно говорить не только в применении к слову или сравнению, но и на материале фрагмента или глав, целых частей объемного произведения. В учебном пособии «Теория литературы» под редакцией Н. Д. Тмарченко отмечается такая характерная черта эпических произведений, как фрагментарность, когда «текст состоит из фрагментов, вычлняемых на разном уровне и по разным критериям» (Теория литературы, 2004, с. 287). При этом фрагментарность «коррелирует с <...> самостоятельностью частей или элементов самого изображенного мира» (Там же). Эти суждения вполне применимы к главам о Вёшенском восстании. Как отмечается в «Шолоховской энциклопедии», в основу третьей и отчасти четвертой книги романа были положены события Вёшенского восстания, в частности, XXVIII–LXV главы шестой части (3-я кн.) и I–V главы седьмой части (4-я кн.) (Воронцова, 2012, с. 128). О соотношении частей романа «Тихий Дон» и произведения как целого существуют недавние работы, опубликованные в журнале «Мир Шолохова» (см., в частности: Ванюков, 2021).

Для нашей работы принципиально значимым является также понимание внутренней формы, содержащееся в трудах Ю. И. Минералова, который вслед за В. фон Гумбольдтом и А. А. Потебней интерпретирует это ключевое для филологии понятие как «образ идеи (или образ идей), образ образа (или образ образов)»,

на котором «базируются взаимные отличия стилей» (Минералов, 1999, с. 31) (здесь и далее курсив наш. — С. В., Е. М.).

Основная часть

Изображение Вёшенского восстания в «Тихом Доне» М. А. Шолохова обычно рассматривается в соотнесении с историческими документами об этом важнейшем, но некоторое время замалчиваемом событии Гражданской войны, и это вполне естественно и закономерно. Однако дело не только в правдивости и часто документальной точности созданной Шолоховым картины (Венков, 2012). С нашей точки зрения, не менее важно, особенно когда речь идет именно о филологическом анализе этого выдающегося произведения мировой литературы XX века, выявить художественные особенности этого изображения, те способы и приемы, с помощью которых формируются содержательные планы романа и авторский взгляд на Вёшенское восстание — в аспекте литературы, а не истории. В этой связи значительную роль в осмыслении глав о восстании играют не только сюжет и архитектура (Сухих, 2009), герой (Муравьева, 2007) и деталь (Трофимова, 2009), другие планы, раскрывающие стиль произведения, но и образы природы и, в частности, водной стихии (об этой проблематике см.: Символика воды..., 2022).

Как известно, восстанию предшествовало другое крупное событие — отказ казаков держать фронт против красных. Характерно, что воплощен этот важный содержательный план через развернутый пейзаж, причем весенний, связанный с таянием снега и постепенно, но неумолимо усиливающейся и берущей полную власть водной стихией. Хотя описываемые события относятся к ноябрю, кануну зимы, в тексте возникает образ проснувшейся воды: «Недовольство войной, вначале *журчившееся* по сотням и полкам *мельчайшими ручейками*, неприметно слилось в *могущественный поток*» (Шолохов, 2017, с. 85).

Далее Шолохов создает основанный на параллелизме развернутый образ путешествия по весенней степи, который имеет не только самостоятельную художественную ценность как блестящее описание природы, но и символическое значение — стихийное, неподвластное ни строгому анализу, ни чьей-либо воле оставление казаками фронта, проявление глубинной сущности человеческой природы, ее «раскрепощение»: «Кругом — непечатый лиловый снег. А под ним, невидимая глазу, творится извечная прекрасная работа — раскрепощение земли. Съедает солнце снег, червоточит его, наливает из-под исподу влагой» (Шолохов, 2017, с. 85–86). В сюжетном плане данной картины соответствует самовольное оставление Григорием, уверенным в скором падении фронта, своей части.

Приведенный в сокращенном виде развернутый фрагмент не просто «пейзаж-предварение» (Сухих, 2009, с. 283), которых много у Шолохова. Образ обладает большой ассоциативностью и создает значимые планы внутренней формы произведения в целом — как предшествующих, так и последующих его фрагментов. Как замечено (Акиньшина, 2007, с. 140), он соотнесен с изображением оставления казаками германского фронта, когда они «*буйной, половодной лавиной* катились на родину» (Шолохов, 2017, с. 512).

Спустя время, уже в реальный весенний период, седьмого марта, когда восстание набирало все большую силу и повстанцами была взята станица Каргинская, Шолохов

дает короткий и, казалось бы, проходной пейзаж, однако тесными ассоциативными нитями связанный с предыдущим: «Дороги стали непроездны: что ни ложок — ловушка. Напитанный водой снег проваливался до земли» (Шолохов, 2017, с. 190). Одна из деталей, объединяющих оба пейзажа, — буераки. Они в первом случае «мощно ревут», а во втором — «заиграли». Другая, финальная для обеих картин деталь (что является важной особенностью шолоховского пейзажа, сконцентрированного в конечном счете на мире людей), — это состояние персонажей. В первом случае путешествующий в весеннее половодье человек растерян, «ищет глазами места поменьше», во втором, как бы в продолжение и развитие намеченной ранее мысли, падает «от усталости», с огромным трудом преодолевая непроездные, залитые водой дороги.

Параллель *восстание – половодье*, закрепляющая прежние, данные намеком указания, прямо проведена писателем в начале XXXVIII главы шестой части (Ширина, 2017, с. 17): «*Полой водой взбурилось и разлилось* восстание, затопило все Обденье, задонские степные края на четыреста верст в окружности» (Шолохов, 2017, с. 201).

На трагическую сущность событий Гражданской войны указывает и символическое, в частности оксюморонное (Муравьева, 2007, с. 63), название романа и эпиграфы, прежде всего к третьей книге романа, в котором изображено, как Дон «помутился весь, сверху донизу» (Шолохов, 2017, с. 5).

Завязка сюжетной линии глав о восстании (первым о необходимости вооруженного выступления говорит Мирон Григорьевич Коршунов) образно соотносится с описанием донских омутов и коловерти, емко и эмоционально прокомментированным повествователем: «*Из глубоких затишных омутов сваливается Дон на россыпь*. <...> взятый в неволю Дон прогрызает в теклине глубокую прорезь, <...> стремительно гонит одетую пеной белогривую волну. За мысами уступов, в котловинах *течение образует коловерть*» (Шолохов, 2017, с. 149).

Образ, семантически соединяющий природное явление с миром людей, строится через отмеченные ранее выражения: свалиться (о воде), россыпь (ассоциативно — омут) встречные течения, коловерть: «*С россыпи* спокойных дней свалилась жизнь в прорезь. *Закипел* Верхне-Донской округ. *Толкнулись два течения*, <...> и понесла, *завертела коловерть*» (Шолохов, 2017, с. 149). Так, природное явление раскрытия реки образно влечет за собой страшные события Гражданской войны на Дону (см. об этом подробнее: Муравьева, 2007, с. 63).

Характерные слова-образы из приведенных описаний — прежде всего *червоточит*, *коловерть*, ставшие символами времени, позволяют соотнести главы о Вёшенском восстании с также содержащими воплощение темы Гражданской войны «Донскими рассказами», причем не только узко тематически, но и конкретно, художественно, через соответствующую внутреннюю форму (рассказы «Червоточина», «Коловерть» и др.). Согласно «Словарю языка Михаила Шолохова», слово *коловерть* имеет два основных значения: «1. Водоворот, сильное вращательное движение воды... 2. Перен. Круговорот, быстрое, увлекающее за собой движение чего-л.» (Словарь..., 2005, с. 455–456).

Еще одна ассоциативная нить, грань созданной писателем внутренней формы глав о Вёшенском восстании, связывает содержащий сюжетную перспекцию образ с собственно изображением восстания. Она реализуется через упоминание и описание ломающегося в Доне льда (Ширина, 2017, с. 17). Эта характерная деталь приведена в контексте прямого призыва к прячущемуся от красных Григорию взять в руки оружие: «Вставай! Дон поломало!.. <...> Восстали еланские и вешенские с этой стороны»

(Шолохов, 2017, с. 164). И уже с иным настроением, в сомнениях о верности выбранного пути соединения с Добровольческой армией, будет сообщено это известие позже: «— А примут нас кадеты?» — «Скоро поломает Дон, — покашливая, сказал Кудинов» (Шолохов, 2017, с. 209).

Еще раз ломающийся лед Дона упоминается в связи с описанием неудачного боя красных за хутор Антоновский, в котором участвовали Штокман и Михаил Кошевой и где разрывы гранат сопровождается звук лопнувшего льда: «Сзади, на Дону с треском лопнул лед» (Шолохов, 2017, с. 220). В этом случае ломающийся на реке лед, возможно, является зловещим предзнаменованием падения власти красных и трагической гибели Ивана Алексеевича и Штокмана: лед лопается сзади, как бы в тылу отряда.

Образ освобождающихся ото льда рек, воплощенный метафорически, может иметь в романе и зловещее символическое значение. Так, весенняя природа воплощается следующей яркой характеристикой: «Весна *отворяла жилы рек*» (Шолохов, 2017, с. 195). Отворяла — значит открывала, надрезала, выпускала изначально кровь, возможно, убивала, а в данном случае — выпускала воду, вышедшую из-под ломающегося льда. О перерезанных «жилушках» Григорий говорит, высказываясь о судьбе восстания, которое обречено на то, чтобы пристать к одной из противоборствующих сторон — белым («кадетам») или красным: «...куда же подадимся? Пути нам — все жилушки перерезаны!» (Шолохов, 2017, с. 232).

Трагическая судьба восстания воплощается через еще один характерный образ водной стихии. Командующий одной из повстанческих дивизий Кондрат Медведев сравнивает участь мятежников с положением ужей в половодье: «Собьют нас в кучу, и очутимся мы <...> как ужаки в половодье где-нибудь на островке» (Шолохов, 2017, с. 208).

Ассоциативная линия, идущая от метафорического образа, соединяющего через общий признак талую воду и восстание, проводится писателем и в портрете восставшего. Это проявилось в описании гонца из станицы Алексеевской, пытавшегося склонить вёшенцев к походу в этот юрт с тем, чтобы поддержать и поднять к выступлению колеблющихся казаков. Этот «казачина», носивший «пламенно-рыжий с черными ворсинками лисий малахай» (Шолохов, 2017, с. 204), как всегда у Шолохова, даже в случае описания эпизодического персонажа, изображен ярко индивидуально, с внутренней формой, связывающей портрет через общие детали, по Потебне, «представления», с воплощенным через водную стихию образом восстания (о портрете у Шолохова см.: Гоффеншефер, 1938; Жандарова, 2013; Кукса, 2019, и др.). Так, у «казачины» «по морщинам лба, как *по ерикам вешняя вода*, стремительно сыпал пот...» (Шолохов, 2017, с. 204). Напомним, что восстание предвлялось «мельчайшими ручейками» недовольства войной. Ерик и есть такого рода «мельчайший ручеек», точнее, «ручей, проточная вода, обычно текущая по дну лощины, оврага» (Словарь языка, 2005, с. 350).

Лицо казака в огромном и теплом малахае, который он не снял в теплом помещении штаба, все более покрывается потом. Образно говоря, ерики превращаются в полноценные реки: «пот *омывал его так обильно*, что даже борода и пониклые рыжие усы были осыпаны, будто мелким бисером» (Шолохов, 2017, с. 204). Восстание же, как было отмечено ранее, «*полой водой взбурилось и разлилось*». Сравнение «как по ерикам» и дальнейшее его развитие — обильный пот, омывающий лицо, а также контекст восстания позволяют фиксировать такого рода образно-ассоциативные

связи: наполненные талой водой реки и ерики — расширяющееся и усиливающееся восстание — портрет мятежного или готовящегося к мятежу казака.

Относящиеся к водной стихии представления под пером Шолохова включаются в воплощение образа боя, в частности, характеризуют действия казачьих сотен у хутора Свиридова, где Григорию Мелехову обманным маневром удалось заманить красных в ловушку: «*Слитная струя* казачьих сотен, как стремя реки, наткнувшись на утес, плавно *разлилась на два рукава*, обнажив красноармейскую лаву» (Шолохов, 2017, с. 200). Накал борьбы передан здесь не только с помощью водных образов, но и путем уподобления разлившейся народной массы вулканической лаве.

Заключение

Итак, главы о Вёшенском восстании в романе «Тихий Дон», занимающие ключевое место в произведении, почти всю шестую и начало седьмой части, воплощающие центральное событие казачьей эпопеи, могут и должны рассматриваться как относительно автономные, имеющие особую внутреннюю форму, определяющую исключительную содержательную глубину как названных глав и частей, так и всего произведения в целом. Ключевую роль здесь играют описания водной стихии и связанные с ними художественные ассоциации, строящиеся на основе параллелизма, контраста, образно-символического единства мира природы и жизни человека и общества. Особое место в этой связи принадлежит заглавию произведения, эпиграфу, пейзажу, портрету, включающим в себя сопоставления с водой и ее восприятием миром казачества, авторской индивидуальностью М. А. Шолохова. Образы ломающегося льда, половодья, коловерты и другие порождают представления, общие для мира природы и психологической и социальной жизни человека, осуществляют свойственное искусству, по выражению А. А. Потебни, «сгущение мысли», компактными средствами позволяют передать неисчерпаемое художественное содержание, всякий раз формирующееся заново и непредсказуемое в своих частностях в воспринимающем читательском сознании.

Список источников

1. Акиньшина, Т. В. (2007). Топос реки в художественном пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Филологос*, 1–2(3), 132–142.
2. «Алмазные россыпи русской речи»: языковое мастерство М. А. Шолохова. Коллективная монография. (2015). Издательство Южного федерального университета.
3. Ванюков, А. И. (2021). Часть как мера целого в романной структуре «Тихого Дона»: части первая, вторая, третья. *Мир Шолохова*, 2, 18–30.
4. Венков, А. В. (2012). *Вёшенское восстание*. Вече.
5. Воронцова, Г. Н. (2012). Восстание Вёшенское. *Шолоховская энциклопедия* (с. 127–129). Синергия.
6. Гоффеншефер, В. (1938). Шолоховский пейзаж. *Литературный критик*, 8, 121–135.
7. Диброва, Е. И. (2013). Река Дон в композиции романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Известия Южного федерального университета. Серия «Филологические науки»*, 3, 64–70.
8. Есипович, Н. Н. (1996). «Тихий Дон»: онтология общечеловеческого в авторских описаниях войны. *Войны России в изображении М. А. Шолохова* (с. 43–46). Ростовский государственный университет.

9. Жандарова, Т. А. (2013). Функции портрета в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. А. Лобачевского*, 4(1), 338–344.
10. Костин, Е. А. (2020). *Шолохов: эстетика и мировоззрение*. Алетейя.
11. Куksа, П. В. (2019). Поэтика портрета в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Наука России: цели и задачи* (ч. 4, с. 56–60). Сборник научных трудов по итогам XV научной конференции 10 июня 2019 года.
12. Минералов, Ю. И. (1999). *Теория художественной словесности*. Владос.
13. Муравьева, Н. М. (2007). *Проза М. А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика*. Борисоглебск.
14. Потебня, А. А. (1990). *Теоретическая поэтика*. Высшая школа.
15. *Символика воды в русской словесности и мировой культуре*. Коллективная монография. (2022). А. И. Смирнова (Ред.). Книгодел.
16. *Словарь языка Михаила Шолохова*. (2005). Азбуковник.
17. Сухих, С. И. (2006). «Тихий Дон» М. А. Шолохова. Лекции к спецкурсу. Поволжье.
18. *Теория литературы*. Учебное пособие: в 2 т. (2004). Н. Д. Тамарченко (Ред.). Т. 1. Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Академия.
19. Трофимова, П. В. (2009). Своеобразие художественной детали в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва].
20. Ширина, Е. А. (2017). Образ природы как ключ к осмыслению войны и мира в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Литература в школе*, 2, 11–17.
21. Шолохов, М. А. (2017). *Тихий Дон*. Научное издание: в 2 т. Т. 2. ИМЛИ РАН.

References

1. Akinshina, T. V. (2007). The river topos in the artistic space of M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *Phylogos*, 1–2(3), 132–142. (In Russ.).
2. «*Diamond placers of Russian Speech*»: M. A. Sholokhov's linguistic mastery. A collective monograph. (2015). Southern Federal University Press. (In Russ.).
3. Vanyukov, A. I. (2021). The part as a measure of the whole in the novel structure of the «And Quiet Flows the Don»: parts one, two, three. *Mir Sholokhova*, 2, 18–30. (In Russ.).
4. Venkov, A. V. (2012). The Vyoshenskoye Uprising. *Veche*. (In Russ.).
5. Vorontsova, G. N. (2012). The Vyoshenskoye Uprising. *Sholokhov Encyclopedia* (pp. 127–129). Sinergiya. (In Russ.).
6. Goffenschefer, V. (1938). Sholokhov landscape. *Literary critic*, 8, 121–135. (In Russ.).
7. Dibrova, E. I. The Don River in the composition of M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». (2013). *Proceedings of the Southern Federal University. Series «Philological Sciences»*, 3, 64–70. (In Russ.).
8. Esipovich, N. N. (1996). «And Quiet Flows the Don»: the ontology of the universal in the author's descriptions of the war. *The Wars of Russia in the Image of M. A. Sholokhov* (pp. 43–46). Rostov State University. (In Russ.).
9. Zhandarova, T. A. (2013). The functions of the portrait in M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 4(1), 338–344. (In Russ.).
10. Kostin, E. A. (2020). *Sholokhov: aesthetics and worldview*. Aleteya. (In Russ.).
11. Kuksa, P. V. (2019). The poetics of the portrait in M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *Russian Science: goals and objectives* (Part 4, 56–60). Collection of scientific papers on the results of the XV scientific conference on June 10. (In Russ.).
12. Mineralov, Yu. I. (1999). *Theory of artistic literature*. Vlados. (In Russ.).
13. Muravyeva, N. M. (2007). *M. A. Sholokhov's prose: ontology, epic strategy of characters, poetics*. Borisoglebsk. (In Russ.).

14. Potebnya, A. A. (1990). *Theoretical poetics*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
15. *The symbolism of water in Russian literature and world culture*. A collective monograph. (2022). Knigodel. (In Russ.).
16. *Dictionary of the Mikhail Sholokhov's Language*. (2005). Azbukovnik. (In Russ.).
17. Sukhikh, S. I. (2006). «*And Quiet Flows the Don*» by M. A. Sholokhov. Lectures for a special course. Volga region. (In Russ.).
18. *Theory of literature*. Textbook: in 2 vol. (2004). N. D. Tamarchenko (Ed.). Vol. 1. N. D. Tamarchenko, V. I. Тура, S. N. Broitman. Theory of artistic discourse. Theoretical poetics. Academy. (In Russ.).
19. Trofimova, P. V. (2009). *The originality of the artistic detail in the novel by M. A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don»* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Moscow]. (In Russ.).
20. Shirina, E. A. (2017). The Image of Nature as the key to Understanding War and Peace in the epic novel by M. A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don». *Literature at school*, 2, 11–17. (In Russ.).
21. Sholokhov, M. A. (2017). *And Quiet Flows the Don*. Scientific publication: in 2 vol. Vol. 2. IWL RAS. (In Russ.).

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Васильев — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Елена Сергеевна Макарова — аспирантка департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Sergey An. Vasilyev — Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Elena S. Makarova — Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Вклад авторов:

Сергей Анатольевич Васильев — разработка концепции исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Елена Сергеевна Макарова — сбор, анализ, обработка материала; написание исходного текста; выводы.

Contribution of the authors:

Sergey A. Vasilyev — research concept; text revision; final conclusions.

Elena S. Makarova — collecting, analysing, processing the material; text; completing, conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.